

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

27 ИЮН 1983

ОБОЖЖЕННЫЕ СУДЬБЫ

Антимилитаристская пьеса японского автора

«Юность 1945 года» — так называлась пьеса, крошечное объявление о которой я нашел на страницах одной из токийских газет. И название ее, и кратко пересказанное содержание говорили о том, что пьеса была злободневной и прогрессивной.

Премьера спектакля по этой пьесе состоялась в токийском районе Сибуя, в небольшом зрительном зале, арендованном театральной труппой «Стадио дакк». Зал находился в полуподвальном помещении, что неопровержимо свидетельствовало о том, что труппа не имела богатых покровителей.

В зале не было дорогой системы воздушного охлаждения, и оттого здесь было душно. Перед входом полагалось снять обувь и, положив ее в прозрачный полиэтиленовый пакет, взять с собой и держать на коленях во время спектакля, хотя, честно говоря, в первые минуты непривычно было сидеть вот так в театральном зале.

Рядом со мною — несколько общительных старичков, видимо, бывших солдат императорской армии, друзей автора пьесы. Среди них был и сам автор — Таканори Ямамото, невысокий пожилой человек с добрыми и усталыми глазами.

— «Юность 1945 года» — это и моя юность, и моло-

дость миллионов других японцев, чьи судьбы искалечила агрессивная война, — рассказал он. — В этой пьесе я постарался показать, как мучительно прозревали мы, тогдашние юнцы, ставшие невольными участниками агрессии, как усилием воли сбрасывали с себя груз милитаристской пропаганды тех лет...

В зале погас свет, и на сцене появились актеры. Благодаря эффектно устроенному освещению казалось, что между ними и зрителями возникло некое пространство.

На сцене шла скромная школьная вечеринка военных лет. Оставшаяся с мирных дней бутылка сака, несколько сухих лепешек — вот и все угощение. Вечеринку устроили одноклассники в честь одного из своих друзей, добровольцем уходившего в армию. Ему еще нет и 16, и он уходит, ничего не сказав матери. Он уже одет в военную форму, на голове — кургузая фуражка, на ногах — ботинки с обмотками.

— Тэнно хэйка бандзай! Да здравствует его величество император! — истощенным голосом кричит он, поднимая чашку с сака.

«Патриотический», а на самом деле националистический, реакционный пыл героя не остывает даже тогда, когда его избивают вбежавшие с улицы жандармы, при-

влеченные звуками подозрительного ночного сблища...

Но идет война, близится разгром милитаристской Японии, и вчерашний юный фанатик с горечью осознает, что военная авантюра нужна лишь правящим классам, что она несет страдания и гибель миллионам японцев и жителей оккупированных ими стран.

Разными путями приходят к этому отрезвлению и другие герои пьесы. В эпилоге на сцене загораются иероглифы древнего изречения: «Герой не тот, кто тысячу раз выходил на поле битвы, а тот, кто сумел победить самого себя».

— Написать эту пьесу меня побудили не только воспоминания, — сказал Таканори Ямамото, прощаясь. — Во всех нас растет тревога за будущее нынешнего молодого поколения японцев. Так же, как и мы когда-то, они становятся объектами все более откровенной милитаристской пропаганды, несущейся с экранов телевизоров, со страниц многих журналов. По мере возрождения милитаризма в Японии углубляется ее опасный военный союз с США. Но я уверен: опыт моего поколения не даст японцам обмануть себя еще раз.

К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
ТОКИО.